

Н.А. Шавеко*

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВДЕ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ХРИСТИАНСКОЙ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ (XI–XV ВВ.)**

N.A. Shaveko

**THE EVOLUTION OF THE IDEAS ABOUT TRUTH (“PRAVDA”)
IN ANCIENT RUSSIA UNDER THE INFLUENCE
OF THE CHRISTIAN WORLDVIEW PARADIGM
(11th — 15th CENTURIES)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений о правде как социально-правовом и религиозно-нравственном идеале Древней Руси, систематизации указанных представлений и выявлению их эволюции. С этой целью были изучены древнерусские письменные источники, в которых можно обнаружить представления автора конкретного источника или лиц, о которых он повествует, о понятии «правда», которое, безусловно, являлось многозначным. Были выявлены упоминания правды, проанализирован контекст употребления данного слова в историческом документе, его смысловая нагрузка. Следующим шагом стало вычленение общих тем, в рамках которых в источниках происходила отсылка к правде, а также совпадающих взглядов на это понятие (если таковые имели место). По результатам исследования была предпринята попытка реконструировать некие типичные представления о правде, свойственные эпохе Древней Руси. Автор статьи делает вывод, что христианская мировоззренческая парадигма практически полностью выхолащивает идею справедливости как неотвратимого воздаяния по заслугам: напротив, в рамках данной парадигмы господствует убеждение, что обидчиков нужно прощать, а не наказывать, благодеяния же следует совершать просто так, бескорыстно, а не за награду; Господь может воздать преступникам по справедливости, но также может и ниспослать несчастья праведнику без всякой причины, лишь ради испытания или даже за грехи других людей. Главной становится цель привести человека к спасению, на Страшном суде Господь будет оценивать не каждый конкретный поступок, а в целом земную жизнь человека и ее итоги. Такое понимание правды подразумевает ориентацию в первую оче-

* *Шавеко Николай Александрович*, кандидат юридических наук, научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Shaveko Nikolay Alexandrovich, PhD Candidate of Law, Research Fellow, Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Nickolai_91@inbox.ru

редь на жизнь после смерти, а не на земную жизнь. Исследование призвано восполнить пробел, связанный с изучением древнерусского мировоззрения, поскольку в рассматриваемый период на Руси не создавалось сугубо философских трактатов, и те или иные абстрактные идеи приходится выявлять путем контекстуального анализа и синтеза отдельных высказываний либо косвенных упоминаний в различных источниках.

Ключевые слова: Древняя Русь, представление о правде, справедливость, закон, православие, Страшный суд.

Abstract. The article analyses the ideas about truth as a socio-legal and religious-moral ideal of Ancient Rus, and aims to systematize these ideas and identify their evolution. To this end, Old Russian written sources were studied, where one can find ideas voiced by an author of a specific source or the people who are in the narrative, concerning the concept of “truth”, which, of course, was ambiguous. Mentions of “truth” were identified, the context of the usage of this word in a historical document and its semantic load were analyzed. The next step was to determine common themes within which the sources referred to the “truth”, as well as coinciding views on this concept (if any). Based on the results of the study, an attempt was made to reconstruct some typical ideas about “truth” inherent in the era of Ancient Rus. The author of the article concludes that the Christian worldview paradigm almost completely emasculates the idea of justice as the inevitable retribution for deserts: on the contrary, within the framework of this paradigm, the belief prevails that offenders should be forgiven, not punished, and good deeds should be done just like that, unselfishly, and not for an award; God can repay the criminals justly, but he can also send down misfortunes to the righteous without any reason, only for the sake of testing or even for the sins of other people. The main goal is to lead a person to salvation; at the Last Judgment, God will evaluate not every specific deed, but the whole earthly life of a person and its results. This understanding of “truth” implies a paramount orientation towards life after death, and not towards earthly life. The study aims to fill the gap related to the study of the Old Russian worldview, since during the period under consideration, no purely philosophical treatises were created in Russia, and the researcher has to identify certain abstract ideas through contextual analysis and synthesis of individual statements or with the help of indirect references in various sources.

Keywords: Ancient Rus, concept of truth, justice, law, Orthodoxy, Last Judgement.

* * *

Введение. Понятие правды в Древней Руси было чрезвычайно многозначным. Так, В.В. Колесов пишет: «В ранних древнерусских текстах слово правда представлено в значениях ‘правило, свод законов’ (1016), ‘праведные деяния’ (1057), ‘справедливость’ (1076), ‘правдивость, честность’ (1159), и собственно русские значения, метонимически вытекающие из переведенных прежде греческих значений, ‘условия договора’ (1199), ‘судебное испытание’ (XII в.), ‘право, права’ (1229), ‘право суда’ (1452), ‘свидетель’ (1589)»¹. В свою очередь В.А. Томсинов

¹ Колесов В.В. Русская правда // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 12.

утверждает, что слово «правда» в области правовой культуры имело по меньшей мере десять различных смыслов, среди которых: «оправдательный приговор суда», «чей-либо интерес», «правова кого-либо или какого-либо дела», «справедливость» и др.² Нам представляется, что приведенными значениями термин «правда» в древнерусских текстах не исчерпывается. Однако, не вдаваясь в вопрос об обоснованности выделения тех или иных значений, отметим, что еще Р.М. Цейтлин показала, что первоначально все слова с корнем «-прав-» имели безусловно положительное значение: «правда» для древнерусского книжника — это не просто закон, а правильный/справедливый закон, «правосудие» — не судопроизводство вообще, а только справедливое, и т.д. Иными словами, прескриптивное значение слова «правда» является первичным, а дескриптивное появилось лишь позднее³. Таким образом, правда — это, в первую очередь, некоторый идеал.

В связи со сказанным представляется наиболее актуальным исследование правды именно как социально-правового и религиозно-нравственного идеала Древней Руси. Настоящая статья призвана проанализировать основные представления о должном, выражаемые в древнерусских источниках XI–XV вв. через термин «правда», обобщить и систематизировать эти представления. Результаты проведенного автором исследования позволяют заключить, что в рассматриваемый период представления о правде как идеале испытали серьезное влияние христианской религии, в связи с чем рассмотрение указанных представлений целесообразно осуществлять в контексте их эволюционного развития.

Принимая высказанную в научной литературе точку зрения о разделении истории русской культуры на три мировоззренческие парадигмы — мифологическую, христианскую и новоевропейскую⁴, период XI–XV вв. можно охарактеризовать как постепенный переход от мифологической к христианской парадигме. «Христианство, — пишет В.Е. Зеньковский, — пришло в Россию не только как религия, но и как мировоззрение»⁵. В то же время, христианство проникало в сознание правящей элиты, и тем более народа, постепенно.

В мифологической картине мира ключевыми понятиями являются Хаос и Логос. Следование последнему рассматривается как

² Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.

³ Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология. М., 1978. С. 63–64; Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996. С. 157–158; Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Автореф. дисс. ... доктора филос. наук. Воронеж, 2002. С. 8, 14, 19.

⁴ Черников М.В. Указ. соч. С. 8.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Ленинград, 1991. С. 32.

условие выживания⁶. Не случайно, изгнав варягов в 859 г., русские племена вновь пригласили варяжского князя в 862 г., ведь без властью установленного закона, как пишет летописец, «не бѣ в нихъ правды»⁷. Ориентация на сложившийся порядок предполагает его постоянное воспроизведение, отсюда консерватизм общества подобного типа и отсутствие какой-либо рефлексии: справедливым считается всё упорядоченное, несправедливым — случайное и произвольное. В христианской мировоззренческой парадигме Бог воспринимается как внеприродное начало, не скованное никакой необходимостью. Следовательно, ни один человек не может предугадать решение высшего Судьи и полностью познать Всевышнего. Бог встает на место прежнего Логоса, но поскольку в отличие от него обладает личным началом, для религиозного человека главным становится не следование заранее установленным правилам, а скорее полная отдача себя в руки Господа⁸.

Прощение и благотворительность. В первую очередь эволюция представлений о должном под влиянием христианства выражается в переходе, по крайней мере в сознании образованной элиты, от концепции мести к концепции прощения. В Повести временных лет кровная месть приписывается сначала княгине Ольге, мстившей древлянам за убийство Игоря. Далее, за 1015 г. имеется рассказ о том, как Святополк Окаянный, убив Бориса и Глеба, стал княжить в Киеве, а Ярослав, узнав об этом, пошел войной на Святополка, аргументировав это идеей кровной мести⁹. Аналогичные воззрения мы черпаем при анализе описанных в Повести событий 1071 г., когда сын новгородского посадника Ян, схватив волхвов, верующих в антихриста, отдал их на растерзание тех, чьи родственники были убиты этими волхвами, сказав им мстить за своих. «Они же, поимше я, *избиша* <...> и повѣсиша я на дрѣвѣ: *отмѣстье* приимша от Бога по правдѣ»¹⁰. Однако уже в описании событий за 1078 г. мы наблюдаем совершенно другую картину. Здесь излагается рассказ об Изяславе, о котором летописец говорит, что тот любил правду. А заключалось это, по мысли летописца, в том, что Изяслав не воздавал злом за зло. Так, киевляне выгнали Изяслава и разграбили его дом, братья прогнали его, и он скитался по чужой земле, но впоследствии, снова утвердившись на великокняжеском троне, никому не стал мстить, а наоборот, обещал брату Всеволоду сложить голову за него. В этой

⁶ Черников М.В. Указ. соч. С. 13.

⁷ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР). Т. 1. С. 75.

⁸ Черников М.В. Указ. соч. С. 15–16.

⁹ Повесть временных лет. С. 184.

¹⁰ Там же. С. 216.

истории начинает утверждаться новый идеал справедливости, включающий воздаяние злом за зло.

Другой яркий пример дает сравнение текстов Русской правды краткой и пространной редакций. Первая редакция, составленная, по мнению большинства ученых, при Ярославе Мудром в 1016 г., начинается с положений, оправдывающих кровную месть: «Убьеть муж мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову»¹¹. Вторая редакция, составленная при сыновьях Ярослава, изменяет это правило: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его... и отложиша убиеение за голову, но кунами ся выкупати»¹². Иными словами, кровная месть, согласно этой записи, была отменена, перестав быть «правдой». Примерно к этому же времени относится канонизация Бориса и Глеба, отказавшихся, согласно Сказанию, сопротивляться окаянному Святополку и силой бороться за киевское княжение.

Если мы обратимся к более позднему источнику — Поучению Владимира Мономаха, то увидим, что его автор прямо выступает против мести и воздаяния злом за зло: «лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — любии, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ»¹³. Данными правилами Владимир Мономах руководствовался и сам. Так, в письме Олегу Святославичу, убившему его сына Изяслава, Мономах прямо пишет о своем отказе от кровной мести¹⁴. В Изборнике 1076 г. (составленном духовниками специально для великого князя Святослава Ярославича) также прослеживается евангельская идея «не судите, да не судимы будете». Данный текст, хотя и имеет греческое происхождение, использовался, по мнению Д.С. Лихачева, в качестве походного пособия для княжеских сыновей¹⁵, и тем самым оказывал прямое на них влияние. Изборник советует быть смиренным, терпеть бесчестье и уделять внимание своим, а не чужим грехам. «Осужену быти неже осудити»¹⁶. Кара должна прийти именно от Всевышнего. В Житии Авраамия Смоленского (написанном его учеником Ефремом в первой половине XIII в.) указывается на недопустимость осуждения других (причем как «в правду», так и «без правды», т.е. неважно, справедливо или несправедливо), поскольку данное право есть лишь

¹¹ Русская правда (краткая редакция) // БЛДР. Т. 4. С. 490.

¹² Русская правда (пространная редакция) // БЛДР. Т. 4. С. 496.

¹³ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. С. 458.

¹⁴ Там же. С. 474.

¹⁵ Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 44. Ленинград, 1990. С. 181, 184.

¹⁶ Из Изборника 1076 года // БЛДР. Т. 2. С. 470–471.

у Бога: «Да аще мы на ся възмемъ инѣхъ осужати, изгонити въ правду или бес правды, то уже отняли есмы отъ Бога и отдали есмы оному противному, рекше диаволу, Божий корабль»¹⁷.

Таким образом, под влиянием христианства, по крайней мере в сознании образованной элиты (князей и духовенства), идея мести постепенно заменяется идеей прощения, и с этим связан отказ вершить суд над жизнями людей и в целом отвечать злом на зло. Вероятно, впоследствии подобные идеи стали распространяться и среди простых людей. Так, Севернорусский летописный свод 1472 г. в описании событий за 1462 г. сообщает, что Дмитрий Шемяка казнил заговорщиков, которые хотели вызволить из заточения в Угличе Василия Темного. При этом отмечается, что в народе эти казни воспринимались как большое зло, поскольку события происходили в Великий пост, когда от Дмитрия Шемяки все ждали акта милосердия и помилования, а вместо этого он совершил акт беспрецедентной жестокости¹⁸.

Новое понимание правды предполагает не только отказ от мести во имя прощения, но и отказ воспринимать всех людей как равноценных. Преимущество отдается слабым и обездоленным. Так, Владимир Мономах в Поучении подчеркивает значение милостыни, помощи убогим, сиротам и вдовам, добавляя к этому: «не вдавайте сильным погубити челоуѣка»¹⁹. Он пишет: «Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромъ — брашном и питьемъ... Болнаго присѣтите»²⁰. Значительное место уделено обоснованию помощи нищим и убогим, подаваний милостыни странникам и т.д. в Изборнике 1076 г.: «Яко елико великымъ съподобилься еси отъ Бога благымъ, тольма и большая длъжьнъ еси въздаяти»²¹ (т.е. кому много дано, с того много и спросится); «Даже не умьреши, добро сътвори другу и по силѣ своей простъри руку, и даждь убогимъ по силѣ своей»²². Впрочем, подобные наставления будущих правителей можно объяснить престижным характером «нищелюбия», которое можно трактовать как форму патроната²³.

Однако нищелюбие подобало не только князю. Христианство в целом требует от человека чего-то большего, чем равное отношение и воздаяние по заслугам: нужно не только прощать обидчиков, но

¹⁷ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5. С. 48.

¹⁸ Севернорусский летописный свод 1472 года // БЛДР. Т. 7. С. 336–337.

¹⁹ Поучение Владимира Мономаха. С. 462.

²⁰ Там же.

²¹ Из Изборника 1076 года. С. 416.

²² Там же. С. 454.

²³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград, 1980. С. 138–149.

помогать странникам, больным и угнетенным. Так, в своих поучениях св. Феодосий Печерский (XI в.) высказывает точку зрения, что монахам следует «от трудовъ своих крѣмити убогыя и странныя, а не празднымъ пребывати, прѣходити от келии въ келию»²⁴. В свою очередь в славянском варианте апокрифа «Книга Еноха» (который также выражает взгляды, в первую очередь, представителей духовенства, которые, по-видимому, и переписывали ее, а также ссылаются на нее, см. например Мерило Праведное) высказываются представления о праведном суде как о помощи обездоленным (нагому, голодному, сироте, вдове и всякому обиженному)²⁵. Наконец, анонимный автор сочинения «Слово о правде и неправде» призывает отказаться от богатства, славы, власти, чести, пищи и питья, одежд, рабов, сел, виноградов, добрых храмов и сладостей в пользу нищих ради спасения и вечной жизни²⁶. И.У. Будовниц писал в связи с изложенным о «теории общественного примирения и всеобщего согласия»²⁷: «Сущность теории заключается в призывах к милостыне, ограничению стяжательских устремлений господствующего класса, проповеди кротости, терпения, беззлобия и всепрощения»²⁸. Соответствующая этой теории стратегия поведения, по мнению Будовница, была связана с попыткой обуздать антифеодалные настроения народных масс, противящихся эксплуатации.

Мы, в свою очередь, полагаем, что такое понимание целей новых идеалов правды чересчур однобоко. Следует учесть, что для древнерусского человека считалась совершенно нормальной ситуация формально-правового неравенства, зависимости одного человека от другого вплоть до холопства: противопоставлялись скорее не свободный и зависимый, а свой и чужой. Существовавшая иерархическая организация предполагала, что, если господин имеет полную власть над подчиненными, то он несет за них и всю полноту ответственности (об этом говорит ряд статей Русской правды в пространной редакции, а также, в частности, «Слово о челяди»²⁹). Автор Жития Михаила Ярославича Тверского (XIV в.), весьма популярного в Древней Руси, даже говорит о неправде в контексте нарушения иерархической ор-

²⁴ Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. С. 434.

²⁵ Книга Еноха // БЛДР. Т. 3. С. 222.

²⁶ Слово о правде и неправде // Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. С. 213.

²⁷ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 110.

²⁸ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в. СПб., 2017. С. 126.

²⁹ Слово о челяди // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период. М., 2010. С. 260.

ганизации, т.е. последняя в его понимании, видимо, соответствует правде: «нача вѣсхитити и имѣнїа сынъ подо отцемъ, брат менший под старѣйшимъ братомъ, умножїа неправда»³⁰. Отсюда милостыня, исходящая от власти, — это не «ловкий трюк» эксплуататоров, а проявление одного из уровней общей системы заботы о нижестоящих. Связь же милости с правдой прямо следует из христианских догматов, согласно которым раздача имущества убогим ведет к вечному торжеству правды (Пс. 111:9).

Теоретическое обоснование вышеизложенных воззрений на правду (связанных с прощением и благотворительностью) мы находим в сочинении митрополита Илариона «Слово о законе и благодати» (XI в.). Автор этого текста отождествляет закон с Ветхим Заветом, а благодать с Новым Заветом. Закон является преутовождением, предтечей благодати. Он был необходим как подготовительная стадия, и привел подзаконных к благодатному крещению, к тому, что необходимо уже не для земной жизни, а для жизни будущей, вечной и нетленной. Поэтому закон сравнивается Иларионом с тенью или свечой, а благодать — с истиной или солнцем. Но важно другое. Автор пишет, что иудейство посредством тени и закона оправдывалось, но не спасалось, христиане же посредством истины и благодати не оправдываются, но спасаются³¹. Тем самым Иларион признает, что предписания Ветхого Завета в общем справедливы, однако существует нечто более ценное, чем справедливость, и оно может не совпадать с этой справедливостью. И далее: «Яко оправдание въ семь мирѣ есть, а спасение въ будудїимъ вѣцѣ. Иудѣи бо о земленыхъ веселяхуся, христиани же о сущїихъ на небесѣхъ»³². Иными словами, нормы Нового Завета направлены на то, чтобы человек попал в рай, а нормы Ветхого Завета — на то, чтобы учредить справедливый порядок в земной жизни, и то, вероятно, лишь применительно к условиям древней Иудеи. В результате, по Илариону, получается, что теперь жизнь человека должна быть подчинена цели спасения, а значит «ветхое миновало», его нужно отложить. И, видимо, слова Христа, что он пришел не нарушать закон, но исполнить его, нужно понимать так, что закон посредством исполнения мессианских пророчеств будет трансформирован Христом в благодать, прежняя справедливость подчинится новой «правде». По мнению Илариона, уже в тот момент, когда Бог явился князю Владимиру, последний «землю свою пасущу правдою»³³, т.е. правда уже была его достоянием, но ему открылось

³⁰ Житие Михаила Ярославича Тверского // БЛДР. Т. 6. С. 70.

³¹ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. Т. 1. С. 30.

³² Там же.

³³ Там же. С. 44.

новое понимание правды. После крещения Владимира он в устах Илариона — «христолюбче, друже правдѣ», «правдою бѣ облѣченъ»³⁴.

Иларион особенно подчеркивает необходимость подавать милостыню, быть щедрым, выкупать должников и рабов, проявлять милосердие. Таким образом, мораль и право сливаются воедино в том смысле, что идеал справедливости теперь отождествляется с идеалом праведности. И действительно, в других произведениях, например в Поучении и молитве Феодосия Печерского, мы также видим панегирик милосердию и жертвенности (не только в отношении представителей своей религии), которые в сознании авторов существуют не как сугубо моральные предписания, а как идеал, общий для права и морали. Повесть об Акире Премудром, имевшая своим прототипом ассирийскую Повесть об Ахикаре (VII в.) и распространившаяся еще в Киевской Руси, содержит следующие наставления Акира своему племяннику, которого он воспитывал как сына: «Сыну, аще другъ твой възненавидитъ тя, начнеть кляти и камене метати, а ты ѿ хлѣбомъ срящи, и оба *приимета* отвѣтъ в день Судный»³⁵. В Галицко-Волынской летописи (1288 г.) приводится в пример Владимир Василькович, который раздавал свое имущество нищим, вняв наставлению Божьему о том, что неправда исправляется щедротами к нищим³⁶.

«Философия Правды, развиваемая Иларионом, синкретически объединяет две концепции Правды, которые позже, обретя известную самостоятельность, отнюдь не всегда будут совместимы. Первая концепция Правды может быть обозначена как правда спасения, вторая — как правда благопреуспения. Правда спасения связана с обретением жизни вечной в мире ином, правда благопреуспения предполагает достижение благополучия в мире земном»³⁷. Таким образом, мы получаем как бы две «правды» — старую и новую, причем новая ориентирована на загробную жизнь, поэтому и говорит о прощении и о помощи нуждающимся. Можно указать два основания новой, высшей правды. Во-первых, прощение и благотворительность необходимы самому прощающему и жертвующему для очищения его души. Во-вторых, судить о человеке может, в конечном счете, только Бог (предполагается, что тот, кого простили, всё же получит по заслугам на Страшном суде).

Правда земная и небесная. Итак, христианство открыло для Руси новую правду — правду спасения. Эта новая, высшая правда, как правило, противопоставляется Закону в значении Ветхого За-

³⁴ Там же. С. 46, 52.

³⁵ Повесть об Акире Премудром // БЛДР. Т. 3. С. 30.

³⁶ Галицко-волынская летопись // БЛДР. Т. 5. С. 338.

³⁷ Черников М.В. Указ. соч. С. 18.

вета. Иларион, как мы уже показали, противопоставляет Закон и Благодать. Та же мысль впоследствии содержится в Послании митрополита Климента Смолятича (середина XII в.): «И уже не тѣснится в Законѣ человечество, нѣ въ Благодати пространно ходит. Законнаа бо вся стѣнь подаша и образ бяху будущих, а не сама та истинна»³⁸ (всё ветхозаветное — это тень и прообраз будущего, а не сама та истина). В Изборнике 1076 г. мы встречаем следующие слова Исихия, пресвитера Иерусалимского: «Елико же въ законѣ прѣдиидеши, толико же недостаточнѣ ся съвършеньемъ вѣжь» («Знай, что насколько ты преуспеваешь в законе, настолько ты отстаешь в совершенстве»)³⁹. Впрочем, правда противопоставляется и закону как силе и власти, а не только закону как Ветхому Завету. Известны, например, слова Александра Невского, приводящиеся в его житии: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ»⁴⁰. Сила, поясняет князь далее, с теми, кто «въ оружии» и «на конѣх», а правда — с теми, кто призывает Господа и уповаает на Святую Троицу. Митрополит Киприан, в свою очередь, противопоставляет правду деньгам (подкупу), т.е. вновь силам этого, земного, мира⁴¹. Так или иначе, древнерусские книжники — авторы слов, посланий и житий — могли противопоставлять правду и силе, и ветхозаветному Закону (как устаревшему, как чему-то «земному»)⁴².

Дошедшие до нас литературные памятники Древней Руси прямо связывают правду и христианскую веру. Типична в этом отношении фраза из переводного апокрифа «Слово блаженного Зоровавеля», появившегося, судя по языку, в XII в.: «Идеже будет вѣра, туто не обрящется неправда»⁴³ (данная фраза, что интересно, не восходит к оригинальному еврейскому тексту). Как пишет выдающийся философ и книжник, митрополит Киевский и всея Руси Климент Смолятич (XII в.): «Нѣсть бо неправды у Бога, реку же, ни будет»⁴⁴. Русские князья в летописях всегда идут в поход «позряще на Бога (вариант — на крест) и на правду», и сохраняются их силой. «Слово о правде и неправде» начинается с утверждения, что правда в человеках сотворена Богом⁴⁵. «Пути Господа праведны и истинны; Он, будучи носителем и олицетворением абсолютной справедливости, творит

³⁸ Послание Климента Смолятича // БЛДР. Т. 4. С. 128.

³⁹ Из Изборника 1076 года. С. 434–435.

⁴⁰ Житие Александра Невского // БЛДР. Т. 5. С. 360.

⁴¹ Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // БЛДР. Т. 6. С. 422.

⁴² *Даль В.* Словарь живого великорусского языка. М., 2006. С. 242.

⁴³ Слово блаженного Зоровавеля // БЛДР. Т. 3. С. 154.

⁴⁴ Послание Климента Смолятича // БЛДР. Т. 4. С. 130.

⁴⁵ Слово о правде и неправде. С. 213.

правду; все Его заповеди основаны на справедливости и правоте; все откровения есть правда и совершенная истина»⁴⁶.

В некотором смысле в Древней Руси Господь сам определяется как нечто правильное, праведное и справедливое, и соответствующие характеристики его тавтологичны. Поэтому можно согласиться с философом В.В. Розановым, который писал, что «правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы не с правды — он — не Бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда»⁴⁷. Об отождествлении справедливости и Божьей воли свидетельствует и наличие на Руси «Божьего суда» (ордалий, судебного поединка), в котором решение спора отдавалось на откуп высшим силам. Распространение или защита христианской веры рассматриваются в древнерусских источниках как торжество правды, даже если это связано с войной (см., например, летописные рассказы о псковском князе Довмонте, о Дмитрии Донском в Куликовской битве, а также изложение похода Ивана III на Новгород в 1471 г. в московских летописях). В свою очередь любое покушение на христианскую веру, напротив, осуждается как неправда (см., например, Сказание о Мамаевом побоище).

С другой стороны, слово «праведный» в Древней Руси имело не только основное значение («благочестивый, добродетельный, соответствующий христианской морали»), но и такие значения, как «справедливый», «правильный» и даже «относящийся к праву», т.е. оно было укоренено не только в христианской религии, но и в правовой сфере⁴⁸. Р.М. Цейтлин отмечает, что религиозный смысл слова «праведен» является даже более поздним, накладывающимся на первоначальные «правовые» смыслы⁴⁹. Поэтому высшая христианская правда, очевидно, имела свои границы. В первую очередь, правила прощения, по-видимому, не должны распространяться на убийства в ходе войны, поскольку и сам Владимир Мономах в рассказе о своей жизни упоминает, что перебил врозь около двухсот половецких лучших мужей. Кроме того, эти правила не распространяются на случаи, когда человек мстит и заступает не за себя, а за других (поскольку простить может только тот, кому причинили вред, а не третье лицо). В соответствии с христианским мировоззрением, «столкнувшись с неправдой в отношении себя, человек в первую очередь должен обратить внимание на собственный образ жизни,

⁴⁶ Рачков П.А. Правда — справедливость // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 19.

⁴⁷ Розанов В.В. Уединенное; Опавшие листья. Короб первый; Опавшие листья. Короб второй и последний: Трилогия. М., 2006. С. 74.

⁴⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1992. С. 103–104.

⁴⁹ Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-». С. 62–63; Она же. Сравнительная лексикология славянских языков... С. 154–157.

ища в ней причину свалившихся на него напастей»⁵⁰. Но совсем иное дело — несправедливость в отношении ближних. Мономах пишет: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть»⁵¹. Вероятно, княжеская власть, ответственная за порядок на своей земле, на том же основании не обязана быть всепрощающей.

Наконец, говорит Мономах, не следует давать спуску своей жене. Хотя, как отмечается в литературе, «в древнерусских нравоучительных сочинениях XI–XIII вв., в отличие от позднего “Домостроя”, нигде не встречается рекомендация бить жену, какой бы плохой она ни была»⁵², всё же социальная психология древнерусского общества была «мужской». Одновременно в Повести об Акире Премудром можно найти наставление о необходимости физического наказания своих детей: «аще *от* биения сына своего не воздержайся, оже бо рана сынови, *то* яко вода на виноград възливается»⁵³. Таким образом, домохозяин имеет власть над членами семьи. Этот ряд приведенных примеров пусть и скуден, но всё же показывает: поскольку в отсутствие мирского суда жизнь в обществе будет попросту невозможна, место старой правде, а вместе с ней и закону, остается, а полномочия вершить мирской суд предоставляется в первую очередь князю как главе земли и домохозяину как главе семьи, в некоторых же случаях — всем полноправным членам общества.

Пытаясь эксплицировать некоторое раздвоение «правды», А.И. Клибанов предлагает разграничивать «Правду» и «Справедливость»: «“Правда”, — пишет он, — служила эквивалентом нашему понятию “идеал”. “Правдой” называлась верховная регулятивная идея для всех форм и проявлений общественной жизни, всей жизнедеятельности людей»⁵⁴. В свою очередь «Справедливость» данный автор называет дериватом «Правды» и говорит, что это есть «норма, представляющая “Правду” во всей сфере земных (мирских) отношений людей»⁵⁵.

Это противоречие между необходимостью прощения и необходимостью мирского суда всюду чувствуется в древнерусской литературе, и в последующем становится предметом диспутов различных публицистов. В Повести временных лет при описании крещения Руси (988 г.) летописец отсылает к Книге пророка Михея Михея (7: 18-19): «Кто яко Богъ отъемля грѣхы и преступая неправду? Яко хотяи ми-

⁵⁰ Черников М.В. Указ. соч. С. 21.

⁵¹ Поучение Владимира Мономаха. С. 462.

⁵² Долгов В.В. Указ. соч. С. 172.

⁵³ Повесть об Акире Премудром. С. 30.

⁵⁴ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 218.

⁵⁵ Там же. С. 221.

лостивь есть»⁵⁶. Но речь идет о милости, совершаемой Богом, что же касается наставлений для княжеской семьи, то подход уже совсем другой. Изборник 1076 г. гласит: «Не оправдай неправдынааго, аште и другъ ти есть, ни обиди правдынааго, аште и врагъ ти есть»⁵⁷.

Ценность мирского суда наглядно прослеживается во множестве древнерусских источниках, в которых восхваляется справедливый суд, при этом используются такие выражения, как «правый суд», «праведный суд» и даже «истинный суд». Впрочем, что представляет собой правый и праведный суд, в древнерусской литературе раскрываться начало далеко не сразу. Так, суд «по мздѣ» лишь едва упоминается в «Слове св. отецъ о правде и неправде», а в «Слове святыхъ отецъ еже не обидѣти вдовы и сироты» хотя и сказано: «Проклятъ бо, рече, всякъ судья неправедно»⁵⁸, но в основном это связывается с тем, что купленный судья не станет защищать неимущих вдов и сирот. Оба Слова содержатся в списках Измарагда XV в., получившего распространение уже в XVI–XVII вв. В том же Измарагде описывается библейский сюжет суда над Сусанной (Книга Даниила) как пример суда правого, не допускающего наказания того, в ком не обрелась неправда (слово 82). Повесть о новгородском посаднике Добрыне (написана не ранее 70-х гг. XV в., в основе лежат устные легенды местного происхождения) описывает Божью кару, которая постигла мздоимца, потакавшего идее немцев воздвигнуть в Новгороде католический храм: но и здесь Бог выступает защитником не только (а может и не столько) правды как объективного суда (запрета брать «посулы»), но и православного вероисповедания. И лишь в послании Кирилла Белозерского князю Андрею Дмитриевичу (нач. XV в.) праведным судом прямо называется суд, в котором судьи не берут взятку, не потакают сильным и богатым, и где нет кумовства: «Судь бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ право. Поклепом бы, господине, не было. И подметом бы, господине, не было же. Судьи бы посулов не имали, доволни бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: “Да не оправдиши нечестиваго мзды ради, ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради. Ни сотвориши неправду на суде, яко судъ истиненъ есть; проклят всякъ неправо судя”. Пророкъ рече: “Ярость Господня на них неизцѣльна до вѣка, и огонь поясть нечестивыя” — мзды ради, иже неправдою взимают. Судьи праведно, без мзды, спасени будут и царство небесное наслѣдуют»⁵⁹. В целом суд, осуществляемый «по

⁵⁶ Повесть временных лет. С. 164.

⁵⁷ Из Изборника 1076 года. С. 416.

⁵⁸ Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 90.

⁵⁹ Три послания и Духовная грамота Кирилла Белозерского // БЛДР. Т. 6. С. 434.

правде», характеризуется в древнерусских источниках рассматриваемого периода как суд, где к делу подходят объективно, невзирая на родственные связи, где не берут взяток, не осуждают невиновных, а при вынесении решения основываются на истинных фактах.

Осуждение взяточничества особенно важно, если учесть систему кормлений, существовавшую на Руси в рассматриваемый период. Представляется, что поскольку должностные лица, осуществлявшие судебные функции, жили исключительно за счет “корма” от местного населения, “посулы” также могли восприниматься как нечто само собой разумеющееся, и осознание их вреда пришло не сразу. С XV в. московские великие князья регламентировали доходы кормленщиков путем выдачи специальных кормленных и уставных грамот, а результате земской реформы 1555–1556 гг. система кормлений была ликвидирована. Среди официальных документов уже Псковская судная грамота содержит запрет судьям принимать «тайные» (?) посулы, а впоследствии наставление судьям «посула не имати» мы встречаем в Судебнике 1497 г., но относительно вопроса о том, насколько широко данный Судебник применялся на практике, также существуют споры среди ученых.

Ценные сведения о том, что значило в Древней Руси судить по правде, содержится в поучениях преподобного Серапиона Печерского — проповедника и писателя, епископа Владимирского, Суздальского и Нижегородского (XIII в.). Он критикует судей, которые руководствуются прибылью, враждой или глупостью, а также тех, кто осуждает людей на смерть в отсутствие свидетельских показаний, прибегая лишь к ордалиям: «Кто бо такъ бѣ судия, якоже Давидъ? Страхомъ Божиимъ судяше, Духомъ Святымъ видяше и по правдѣ отвѣтъ даяше. Вы же как осужаете на смерть, сами страсти исполни суще? И по правдѣ не судите: иный по враждѣ творить, иный горкаго того прибытка жада, а иный ума не исполненъ; толко жадаеть убити, пограбити, а еже а что убити, а того не вѣсть. Правила божественаго повелѣвають многими послухъ осудити на смерть челоувѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утапати начнетъ, неповинна есть; аще ли поплövetъ — волхвоу есть. Не может ли дяволь, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы вѣврещи въ душъгубство; яко, оставльше послушьство боготворенаго челоувѣка, идосте къ бездушну еству к водѣ приасть послушьство на прогнѣванье божие?»⁶⁰.

Критика суда, осуществляемого не по правде, содержится также в Новгородской I летописи за 1445 г., где рассказывается о том, что в городе начался голод. «И в тоже время не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и вѣсташа ябетници, изнарядиша четы и обѣты и цело-

⁶⁰ Слова и Поучение Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5. С. 380.

ванья на неправду, и начата грабити по селамъ и по волостемъ и по городу: и бѣхомъ в поруганье сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, криць и рыдание и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ: занене бѣ в насъ милости и суда права»⁶¹. Здесь неправда суда заключается в том, что государство в лице своих должностных лиц не обеспечивает должный правопорядок и не предотвращает преступления.

Таким образом, правда в древнерусских источниках хотя и противопоставляется ветхозаветному закону, а также грубой силе, но при этом продолжает отождествляться с земной властью, которая способна претворить всё еще имеющую значение «земную правду».

Неотвратимость возмездия. Поскольку право высшего суда принадлежит Богу, авторам различных текстов важно показать, что справедливое воздаяние в отсутствие мести по воле Божьей в конечном счете восторжествует. В целом ряде произведений подчеркивается неотвратимость наказания за грехи и неправды: Бог постоянно присутствует в человеческой истории, «Бог неправду зрить»⁶², «Богъ убо мститель есть неправду творящимъ»⁶³. При этом в письменных источниках очень часто встречается отсылка к Посланию Иакова (2:13): «Судъ бо безъ милости не сътворшему милости». Составитель переведенного на древнерусский Толкового Апостола Феофилакт, епископ Охридский, называет это высказывание «Законом правды»⁶⁴. Популярно и обращение к Псалтири (7:17): «Обратится болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снидетъ» — за неправду каждый отвечает головой. Изборник 1076 г. содержит следующие строки: «Не твори зѣла, да не постигнетъ тебе зѣло, отъступи отъ неправды и уклонись ся отъ тебе. Сыне, не сѣй на браздахъ неправды — и не пожнеши ихъ седмерицею»⁶⁵. Схожие мотивы мы встречаем и в Книге Еноха, и в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», и в Повести об Акире Премудром. Предполагается, что Бог воздаст каждому по заслугам.

Идея неотвратимости Божьего возмездия выражалась не только в заимствованных и переводных текстах, но и в оригинальных русских произведениях. Киево-Печерский патерик содержит целый ряд историй, где справедливость восторжествовала путем прямого вмешательства Господа через сотворение чудес, например когда воры онемели и не смогли унести похищенное, и стояли так двое суток,

⁶¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 425.

⁶² ПСРЛ. Т. 9. С. 188.

⁶³ ПСРЛ. Т. 10. С. 26.

⁶⁴ Из Толкового Апостола // БЛДР. Т. 2. С. 98.

⁶⁵ Из Изборника 1076 года. С. 448.

пока их не обнаружили (слово 28), или когда человек, поклявшийся, что не брал чужих денег, не смог приложиться к иконе Богородицы, что выдало его ложь (слово 5), а также когда похититель сокровищ разбился, упав с коня, купленного на эти сокровища (слово 10). Итак, Бог, как правило, предстает как судья, воздающий по заслугам.

Упование на Бога как на всепрощающего и всемилостивого встречается в древнерусских источниках значительно реже. Можно привести в пример отсылку Повести временных лет (за 988 г.) к Книге пророка Михея, где говорится, что Бог прощает беззакония и не наказывает преступления, не вечно гневается, но любит миловать. Тем не менее, такой подход представляется скорее исключением, чем правилом. Милость Бога бывает связана разве что с тем, что наказание длится не вечно (см., например, летописную повесть о Куликовской битве)⁶⁶, или оно менее строгое, чем положено. Например, Видение Хутынского пономаря Тарасия рассказывает нам историю о том, что молитвами святого Варлаама Бог решил не губить весь Новгород потопом, а «всего лишь» наслал на грешников мор, а потом и пожар.

В источниках времен Киевской Руси, политической раздробленности, монголо-татарского ига, возвышения Москвы Бог всегда воспринимается летописцами как защитник правды, следящий за ее свершением. Причем он не только наказывает за неправду, но и помогает тем, кто утверждает правду, вознаграждает за следование ей. Примеры такого понимания мы находим в описании летописцами Липицкой битвы 1176 г.⁶⁷, Липицкой битвы 1216 г.⁶⁸ и других событий, а также в речах Кирилла Туровского⁶⁹ и Пахомия Сербского⁷⁰. Но особенно ярко это проявляется в Сказании о Мамаевом побоище (первая пол. XV в.), где постоянно подчеркивается, что Бог покровительствует русским, поскольку правда на их стороне⁷¹, а князь и митрополит апеллируют в своих речах к Богу и правде. Перед битвой Дмитрию Ивановичу советуют перейти Дон, не считаясь с силой противника, мотивируя это выше приведенным изречением Александра Невского: «яко не в силѣ Богъ, нѣ в правдѣ»⁷².

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича (конец XIV – начало XV в.), известное нам по ряду летописных сводов и представ-

⁶⁶ Летописная повесть о Куликовской битве // БЛДР. Т. 6. С. 134.

⁶⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. С. 160.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 73.

⁶⁹ *Калайдович К.* Памятники российской словесности XII века. Творения Кирилла, епископа Туровского. М., 1821. С. 92.

⁷⁰ Велия Миней Четии. Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870. Стб. 18.

⁷¹ Сказание о Мамаевом побоище // БЛДР. Т. 6. С. 142.

⁷² Там же. С. 146, 148, 166.

ляющее собой традиционную похвалу умершему князю, содержит эпизод, когда Дмитрий Донской обращается к Богу с такой молитвой: «Да не порадуются враждующи мнѣ бес правды, ни ркут погании: “Где есть богъ их, на негоже уповаша?”»⁷³. А после поражения Мамай князь восклицает: «суди им, Господи, по правдѣ их, азъ же, Господи, уповаю на тя!»⁷⁴. В летописном Сказании о нашествии Едигея (XV в.) говорится, что Богоматерь защищает Русь от нашествия монголов, пока народ хранит правду и не грешит⁷⁵. Согласно Сказанию, попустительствуя врагам, Христос «ранами смиряет неправды наши». Неизвестный автор (Нестор Искандер?) Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., бывший очевидно человеком начитанным, обладавшим литературным талантом и прекрасно осведомленным об обстоятельствах гибели Константинополя, подчеркивает в своем произведении, что Богоматерь защищала и Константинополь, но жители города творили «злодеяния и беззакония», поэтому пришла кара. Севернорусский летописный свод 1472 г. в отношении Шелонской битвы содержит фразу: «Вездѣ бо Бог помогаше великому князю за его исправление»⁷⁶, т.е. Бог помогает князю в справедливом деле; в Новгородской IV летописи эта же фраза имеет другое окончание: «за его правду»⁷⁷.

Таким образом, согласно литературным памятникам Древней Руси, Бог постоянно присутствует в мире, влияя даже на незначительные события.

Особенности Страшного суда. Передача полномочий справедливого воздаяния (т.е. воздаяния по заслугам, противопоставляемого прощению и безусловной помощи нуждающимся) Господу изменяет сам характер данного воздаяния, ведь теперь важно не то, что делал человек в течение всей своей жизни, а то, как он подошел к ее завершению. Покаявшись в грехах, можно «оправдить живот»⁷⁸, т.е. исправить свою жизнь, достичь правды. Так, автор Повести временных лет размышляет следующим образом в связи со смертью Владимира: «Мнози бо праведнии творяще и по правдѣ живуще, и къ смерти совращаются праваго пути и погыбають, а друзии развращено пребываютъ и къ смерти въспомануться и покаяньемъ добрымъ *очистять* грѣхы. Якоже пророкъ глаголетъ: “Праведный не возможе спастися въ день грѣха его. Егда рекуть правѣдному: Живѣ будещи, сый же уповаеть правдою своею и сотворить безаконье, вся

⁷³ Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // БЛДР. Т. 6. С. 208.

⁷⁴ Сказание о Мамаевом побоище. С. 184.

⁷⁵ Сказание о нашествии Едигея // БЛДР. Т. 6. С. 244.

⁷⁶ Там же. С. 342.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 150.

⁷⁸ Поучение Владимира Мономаха. С. 464.

правда его не въспоманеться, в неправдѣ его, юже створи, и в ней умереть. И егда рекуть нечестивому: смертию умреши, ти обратиться от пути своего и створить судъ и правду. И займъ судъ, лъжю *отдасть*, и всхищение възвратить. Все грѣси его, яже сгрѣшилъ есть, не *помянутся*, яко суд и правду створилъ есть, и живъ будетъ в них”»⁷⁹. Эти рассуждения, говорящие сами за себя, представляют собой наиболее ясное и полное изложение нового представления о правде, олицетворяющего смену мировоззренческих парадигм. И они не были бы так показательны, если бы аналогичные суждения не встречались во множестве других источников.

Рассмотрим три примера. В Житии Марии Египетской (славянский перевод относится предположительно к X в.) главная героиня так объясняет, почему Господь не покарал ее сразу за блудодеяния: Он, по ее мнению, ждет покаяния, и хочет не смерти грешникам, а их обращения в истинную веру⁸⁰. И далее приводится история о том, как Мария не смогла войти в церковь, увидела в этом божественный знак и раскаялась в своих грехах. Еще более показательна в этом отношении Повесть о Тимофее Владимирском (конца XV — начала XVI вв.), в которой священник Тимофей, совершивший блудодеяние во время исповеди, после бежавший к казанским татарам и прослуживший им тридцать лет в борьбе против русских, раскаивается в совершенных грехах, нравственно перерождается и в итоге получает прощение от московского князя и митрополита. Рассказчик отмечает: «Бог же не хочет смерти грешника, но хочет, чтобы исправился он и был живым, захотел он и этого преступника в прежнее благочестие привести»⁸¹. Таким образом, важно не воздаяние по принципу талиона за совершенные грехи, хотя оно и считается справедливым, а достижение царства небесного, что составляет высшую правду. В Сказании о Евстафии Плакиде (которое, как и Житие Марии Египетской, стало известно на Руси уже в Киевскую эпоху, широко переписывалось древнерусскими книжниками в течение нескольких веков и было включено в состав Великих Четий-Минеи) проводится мысль, что справедливо было бы предоставить язычнику, совершающему добрые дела, шанс на спасение через веру, поэтому Господь дает каждому возможность уверовать. Согласно Сказанию, Христос явился Евстафию в образе оленя и возвестил о себе, чтобы тот познал истинную веру: «нѣсть бо праведно моему приятелю вязити в сѣти неприязненѣ»⁸².

⁷⁹ Повесть временных лет. С. 174.

⁸⁰ Житие Марии Египетской // БЛДР. Т. 2. С. 200.

⁸¹ Повесть о Тимофее Владимирском // Древнерусская литература / Сост., предисл. и комм. М.П. Одесского. М., 2001. С. 469.

⁸² Сказание о Евстафии Плакиде // БЛДР. Т. 3. С. 12.

Другой акцент в этом Сказании сделан на том, что истинность веры должна быть подтверждена испытаниями, сходными с теми, что выпали на долю библейского Иова, и в дальнейшем Сказание повествует, какие именно испытания преодолел Плакида. То, что испытания выпали на долю праведного человека, полагается справедливым. Древнерусские источники полны примеров страданий «праведных мужей» за веру (а не за грехи!), один из наиболее ярких источников — Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора (XIII в.). Это уже, что важно, не заимствованное из Византии житие-мартирий, а исконно русское произведение, но мотив у него тот же: необходимость страданий и даже смерти за христианскую веру. Вместе с тем, сама по себе идея страдания праведных, конечно, заимствована из византийской мысли. Еще Иоанн Златоуст говорил, что жизнь по правде вознаграждается лишь после смерти, и это он считает правильным, так как различными бедами в этой жизни очищается душа человека⁸³. Так святой развивал библейский тезис о том, что кого Бог любит, того и наказывает (Евр. 12:6).

Тем самым, под влиянием христианства надежды в части справедливого устройства возлагаются на загробный мир. Например, в Скитском патерике (глава «О прозорливых»), который был переведен на церковнославянский уже в эпоху Киевской Руси, приводится история о том, что бесчестный человек умер богатым и почитаемым, а праведный отшельник — бедным и забытым людьми. Посланный Богом ангел поясняет, что нечестивец имел покой на земле, но не будет иметь покоя после смерти, в отличие от праведника⁸⁴.

Таким образом, с одной стороны, Бог не уходит от мира, он постоянно вмешивается в земные дела, направляет и наставляет тех, кто обращается к нему с молитвой, дает им знамения. Некоторые произведения, например апокрифы о Макарии Римском (упоминается с XIV в.) и об отце Агапии (известен по списку XII–XIII вв.), целиком состоят из описания таких знамений. С другой стороны, путь к истинной вере не обязательно является тем путем, на котором каждому воздается по заслугам: испытания скорее необходимы, чем справедливы. Так и смысл апокрифа о Макарии Римском состоит в том, что нет смысла искать рай на земле. При этом несправедливости земного мира в любом случае должны быть компенсированы в загробном, и это подтверждает уже официальная церковная литература.

Вот что пишет в своем Поучении Серапион Владимирский (XIII в.), монах Киево-Печерского монастыря: «Мнози бо межи вами Богу истинно работают, но на сем свѣте равно со грѣшникъ от

⁸³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 87.

⁸⁴ Из Скитского патерика // БЛДР. Т. 2. С. 304.

Бога казними суть, да свѣтлѣиших от Господа вѣнец сподобаться, грѣшником же болшее мучение, яко праведници казними быша за их беззаконье»⁸⁵. Следует также отметить Поучение к братии новгородского архиепископа Луки Жидяты (XI в.), где он обещает причисление к лику святых после смерти тому, кто сложит голову за правду: «Но боуди правдивъ тако, яко не каюсь правды дѣла и закона Божия и приложа главу, да сочтеть тя Богъ съ святыми»⁸⁶.

Не только поучения духовных деятелей, но и летописи полны примеров того, что для торжества правды в мире небесном могут потребоваться страдания и жертвы в мире земном. Так, призыв не щадить своей головы за правду часто содержится в новгородских летописях. Некоторые летописи даже подчеркивают, что в годы тишины и благоденствия народ «от правды заблуждает»⁸⁷, т.е. страдания всегда необходимы.

Повесть временных лет в статье за 1093 г. содержит следующую сентенцию: «Се на ны Богъ пусти поганья, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть бо батѣгъ Божий, да нѣколи смирившеся упомянемся от злаго пути»⁸⁸. Далее летописец неоднократно подчеркивает, что наказание справедливо, потому что мы пребываем в неправде, но в результате это наказание поможет нам обрести милость в будущем веке, ведь Господь не наказывает дважды за одно и то же: «Такоже ны видѣ неправо прѣбывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбѣ, да хотяще и не хотяще и всяко в будущий вѣкъ обрящемъ милость: душа бо, здѣ казнима, всяко у будущий вѣкъ обрящемъ милость и лготу от муки: не мьстить бо Господь двоичѣ о Томъ»⁸⁹. Лаврентьевская летопись, говоря о походе русских князей против половцев (летопись датирует поход 1186 г., хотя в действительности это был 1185 г.) рассматривает поражение как наказание за грехи, добавляя, что много стерпевшие за свои грехи христиане попадут в итоге в царство небесное: «Се же... здѣся грѣх ради наших, зане умножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью, и иными различными казньми, *хрестьяномъ* бо многими напастьми внити въ царство небесное. Согрѣшихом — казними есмы, яко створихом, тако и прияхом, но кажет ны добрѣ Господь нашъ, но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидит нас

⁸⁵ Слова и Поучение Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5. С. 376.

⁸⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894. С. 14–15.

⁸⁷ См., например: ПСРЛ. Т. 21. 2-я пол. С. 449; Сказание о нашествии Едигея. С. 244.

⁸⁸ Повесть временных лет. С. 254.

⁸⁹ Там же. С. 256.

Богъ — не буди такого!»⁹⁰. Та же летопись, описывая события 1237 г., гласит: «И бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды. За умноженъе безаконий наших попусти Богъ поганья не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣль. И сими казными казнить нас Богъ, нахоженъем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшесе от пути своего злаго»⁹¹. И далее: «И се нам сущую радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящем милость. Душа бо сдѣ казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от муки. О неиздреченному ти человеколюбью! И тако подобаеть благому владыцѣ казати»⁹².

Подобное понимание Божьей воли как воли воспитывающей преобладало и в последующие века. Идея о необходимости страданий в этом мире для обретения жизни вечной кристаллизировалась позже в послании Нила Сорского Вассиану Патрикееву⁹³. Итак, хотя в земном мире несчастья могут постигнуть и праведников, в конечном счете они усваивают урок и имеют жизнь вечную, зато грешники, чьими злодействами испытывались праведники, в ином мире получают по заслугам. Вероятно, именно подобной логикой можно объяснить и идеал правды как честности, ведь даже если таковая сулит страдания в этом мире, Господь всё же оценит их в мире ином. А между тем правда-честность также восхваляется во множестве письменных источников, например в Изборнике 1076 г.⁹⁴ и в Стословце св. Геннадия (различные списки которого входили и в Изборник 1076 г., Измарагд, Златую чепь и другие сборники нравоучительного характера). Автор Стословца призывает говорить правду, особенно на суде и пред князем (как пред самим Богом!), даже если это грозит неприятностями⁹⁵.

Таким образом, Божественный промысел, очевидно, направлен не столько на воздаяние, сколько на воспитание. Бог хочет, чтобы все спаслись, но для этого требуется не только милость, но и испытания («казни и беды»), напоминающие нам о наших грехах. Вот что говорится в Житии Авраамия Смоленского: «Богу же хотящу всѣмъ спастися, овогда же человеколюбие свое и милость являеть, овогда же казня, бѣда дая: глады, смерть, бездождье, сушу, туча тяжкыя, поганыхъ нахождениа, градъ плѣнение и вся, яже на ны отъ Бога приходять. И тѣми обращаая и приводя к собѣ, да не бо есмы безъ грѣха, а

⁹⁰ Летописные повести о походе князя Игоря // БЛДР. Т. 4. С. 252.

⁹¹ Летописные повести о монголо-татарском нашествии // БЛДР. Т. 5. С. 96.

⁹² Там же. С. 98.

⁹³ Прохоров Г.М. Послания Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 29. Ленинград, 1974. С. 138.

⁹⁴ Из Изборника 1076 года. С. 418–420.

⁹⁵ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С.5.

терпяще сихъ, рассудимъ, помянемъ, колико злыхъ яже сътворихомъ и забытью предахомъ, в нощи же и въ день сѣгрѣшающе»⁹⁶. Испытания нужны для того, чтобы мы помнили о своих грехах. Но также в Житии подчеркивается, что Господь посылает испытания «по силе», такие, с которыми человек способен справиться, чтобы укрепиться в вере: «Видя Господь силу неприязнину и его злобу на ны, не попусти вся воли его, но яко же самъ вѣсть, тако и попускает по силѣ... приимати его брань, яко же Господь въ Еуангельи рече, яко «ни на свиньяхъ имать власти без Божиа повелѣνια»; да искусни Божии раби явятся»⁹⁷. Так же и Нил Сорский в послании Гурию Тушину пишет: «Писано бо есть, яко невѣзможно правѣ мудръствующему и благочестнѣ живущу погыбнути»⁹⁸.

Примечательно, что вознаграждение за жизнь по правде и кара за неправду всё чаще отодвигаются церковными мыслителями в мир иной. Относительно вознаграждения за правду древнерусские письменные источники часто отсылают при этом к фразе из Евангелия от Матфея (5:10): блаженны изгнанные правды ради, ибо их есть Царствие Небесное. Церковно-учительная литература рассматриваемого периода проводит мысль о том, что если «вѣрный человекъ въ правдѣ живеть», то к нему приставляется ангел, записывающий все добрые поступки⁹⁹, и если «останите неправдѣ, и навикнете добро творити и милостивии будете да спасетесь»¹⁰⁰. «Слово св. отецъ о правдѣ и неправдѣ» вновь делает упор на загробную жизнь: «Правда праведнаго отъ смерти избавить» и дарует жизнь вечную¹⁰¹. Примеры переноса в загробный мир заслуженного наказания за различные неправды столь же многочисленны. Так, согласно Повести временных лет, Святополк Окаянный принял муки лишь после смерти: «Его же и по правдѣ, яко неправѣдна, суду пришедшу по отшествии сего свѣта прияха муки сего, оканьянаго»¹⁰². В Измарагде приводятся слова Иоанна Златоуста, утверждающего, что кара может прийти уже после смерти¹⁰³. По мнению святого, гораздо легче претерпеть «казни Божьи» в этом мире¹⁰⁴. Приведенный подход, конечно, порождает определенные сомнения уже в эпоху расцвета русской публицистики. Например, в Послании Иосифа Волоцкого Княгине Голениной был

⁹⁶ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5. С. 46.

⁹⁷ Там же. С. 42.

⁹⁸ Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 141.

⁹⁹ Житие Авраамия Смоленского. С. 48.

¹⁰⁰ Там же. С. 53.

¹⁰¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 85.

¹⁰² Повесть временных лет. С. 188.

¹⁰³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 81.

¹⁰⁴ Там же. С. 82.

поставлен вопрос, почему страдают и умирают невинные младенцы, и в чем здесь Божественная правда¹⁰⁵.

Выводы. Под влиянием христианства в среде правящей элиты и духовенства распространяются идеи прощения (в том числе — отказа от кровной мести) и благотворительности (помощи сирым и убогим). Теоретическое обоснование эти идеи получили у митрополита Илариона. Вместе с тем, новое понимание правды подразумевает ориентацию в первую очередь на жизнь после смерти, а не на земную жизнь. Поскольку мирская справедливость все-таки остается необходимой, указанная ситуация приводит к «раздвоению правды». Идеологам христианства, с одной стороны, важно показать, что Бог и в этом мире воздает за несправедливые поступки по заслугам. Но, с другой стороны, логика Страшного суда полностью выхолащивает прежнюю идею справедливости как воздаяния по заслугам. Совершение плохих поступков по-прежнему недопустимо, но сам потерпевший должен прощать своих обидчиков, наказание исходит от специально уполномоченных лиц (князя, домохозяина и т.п.), Господь же хотя вправе воздать преступникам по справедливости, но он также может ниспослать несчастья праведнику без всякой причины, лишь ради испытания (или даже за грехи других людей). Главной становится цель приведения человека к спасению. На Страшном суде Господь оценивает не конкретный поступок, а в целом земную жизнь человека и ее итоги.

Список литературы

Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Издательство АН СССР, 1960. 490 с.

Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Ленинград: ЭГО, 1991. 220 с.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.

Колесов В.В. Русская правда // Мир русского слова. 2012. №1. С. 9–15.

Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 44. Ленинград: Наука, 1990. С. 179–184.

Прохоров Г.М. Послания Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 29. Ленинград: Наука, 1974. С. 125–143.

¹⁰⁵ Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 3: Московская Русь. М., 2010. С. 373.

Рачков П.А. Правда — справедливость // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 14–32.

Розанов В.В. Уединенное; Опавшие листья. Короб первый; Опавшие листья. Короб второй и последний: Трилогия. М.: Мир Книги, 2006. 576 с.

Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980. 256 с.

Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология. М.: Наука, 1978. С. 59–64.

Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М.: Наука, 1996. 232 с.

Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Автореф. дисс. ... док. филос. наук. Воронеж: Воронежский межрегиональный институт общественных наук, 2002. 44 с.

Поступила в редакцию
1 апреля 2020 г.